

САНКЦИИ ПРОТИВ ИРАНА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ*

Николай Александрович Кожанов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Королевский институт международных отношений, Великобритания

Леонид Маркович Исаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Прошедшая недавно серия разноуровневых российско-американских переговоров в очередной раз продемонстрировала, что значительных позитивных изменений в этом направлении ожидать не приходится. Список тем, на которые руководство двух стран может поговорить, невелик, а тех, где имеются точки соприкосновения, – еще меньше. В частности, по ближневосточной повестке Вашингтон пытается обсуждать с Москвой три темы – иранское присутствие в Сирии и на Ближнем Востоке, постконфликтное устройство Сирии (США явно стремятся оговорить возможность сохранения своего участия в политических процессах), проблему палестино-израильского урегулирования. На данный момент стороны смогли лишь подтвердить существующий статус-кво: восстановление ситуации на сирийско-израильской границе в соответствии с договором 1974 г., отвод иранских и проиранских сил на юге САР, а также де-факто сохранение американского присутствия на северо-востоке страны. С точки зрения некоторых аналитиков, в ходе хельсинкской встречи В. Путина и Д. Трампа в июле 2018 г. американцы также признали за Россией право на доминирование в вопросах мирного урегулирования в Сирии, что, впрочем, оставляет некоторые вопросы открытыми. На этом точки соприкосновения у двух стран практически закончились. Москва явно не считает необходимым обсуждать с Вашингтоном проблему палестино-израильского урегулирования, по-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

ка администрация Д. Трампа активно пытается реализовать «план Кушнера». В Москве справедливо исходят из того, что указанная инициатива слабо реализуема и может только разжечь дальнейший конфликт. По Сирии последующие переговоры во многом заходят в тупик по причине того, что Вашингтон завязывает их на проблему иранского присутствия в регионе, которое президентская администрация США рассчитывает сократить существенным образом.

С точки зрения американской администрации, ключом к успеху реализации указанного плана является внесение раскола между Москвой и Тегераном. Оставшись без поддержки своего «вынужденного союзника» в лице России, иранцам якобы неизбежно придется пересмотреть объемы своего присутствия в регионе. Немаловажный акцент делается на то, что в условиях возрождения антииранских санкций и нарастающей внутривосточной борьбы Тегеран просто физически не сможет реализовывать активную региональную политику. Расчет Вашингтона, впрочем, здесь не совсем верен.

Иран накануне принятия новых санкций

Еще накануне принятия нового пакета американских санкций в ноябре 2018 г. иранская политическая элита продемонстрировала неожиданную уверенность в собственных силах и решимость продолжать борьбу. Громкие и иногда истеричные заявления представителей ИРИ для внешнего мира сильно контрастировали с тем относительным спокойствием, с которым данный вопрос обсуждается внутри страны (см., например: Хаменеи 1397а г. х.).

Прежде всего, в конце лета – начале осени 2018 г. обращал на себя внимание тот факт, что на внутривосточной повестке проблема возвращения санкций хоть и активно обсуждалась, но не являлась единственной и самой главной темой для дискуссий. В гораздо большей степени внимание общественности и политиков ИРИ в сентябре – октябре 2018 г. привлекали иные вопросы, такие как перспективы присутствия их страны в Сирии, динамика ирано-саудовских отношений, будущее нефтяного рынка, отставки в экономическом блоке правительства (в ряде случаев ставшие результатом вынесенного парламентом импичмента), тяжелое состояние иранской экономики, падение курса национальной валюты, слож-

ная ситуация в банковском секторе, внутривластная борьба и пр. Более того, иранские власти перестали винить во всех своих бедах исключительно санкции. Так, в изданном в конце июля 2018 г. отчете исследовательского центра при иранском парламенте о состоянии экономики страны открыто признавалось, что санкции хоть и делают жизнь страны хуже, но корень всех бед все же кроется внутри самой структуры экономики ИРИ, в неправильном управлении государством и глобальных злоупотреблениях. Меры внешнеэкономического давления же только усиливают негативные тенденции, но редко их порождают (Абдаллахи и др. 1397 г. х.: 4–6)¹.

При этом у иранских политиков не было и нет иллюзий относительно того, что сами санкции будут усилены, доработаны США и в перспективе окажутся весьма болезненными (Там же: 10–16). В частности, в начале осени 2018 г. генеральный секретарь Федерации иранского экспорта энергоносителей Хамид-Реза Салехи даже предсказал возможность успешной реализации американского плана по полному отсечению его страны от мирового рынка нефти (Месамед 2018а). Его точка зрения, конечно, являлась не самой распространенной в Тегеране, однако в столице исламской республики не было слышно и бравурных речей. К чести властей надо заметить, что правду они старались не скрывать: в октябре 2018 г. Х. Рухани открыто признал, что надежды на стабилизацию экономической ситуации есть только в долгосрочной перспективе (Месамед 2018б). При этом не наблюдалось и паники. Высшим руководством страны в лице Верховного лидера С. А. Хаменеи сформулирована основная линия поведения, которую в целом, хоть и с некоторыми оговорками, поддерживают основные политические силы. Заключается она в следующем.

Во-первых, принятия санкций избежать не удастся, а значит, нужно минимизировать их вред, используя отработанные в про-

---

¹ В иранских публикациях год издания приводится по иранскому календарю (так называемой Солнечной хиджре). Этот календарь ведет летосчисление от хиджры (переселения пророка Мухаммада из Мекки в Медину в 622 г.), но основывается на солнечном (тропическом) годе, в отличие от классического исламского календаря, поэтому его месяцы всегда приходятся на одни и те же времена года. Начало года – день весеннего равноденствия (Навруз), который определяется по астрономическим наблюдениям на меридиане тегеранского времени.

плом механизмы и активно сотрудничая с теми странами, которые не разделяют взгляды Вашингтона на проблему урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы (для чего Тегеран до последнего будет оставаться членом ядерного соглашения [СВПД]).

Во-вторых, США доверять нельзя, так как это хитрый и опасный враг, отношения с которым Тегеран сейчас вводит в стадию «ни мира, ни войны»: при отсутствии открытого военного столкновения опосредованная конфронтация с американцами будет продолжена. Это, впрочем, не исключает ситуации, когда при изменении поведения Вашингтона в пользу более разумного с точки зрения Тегерана оба государства могут достигнуть новой договоренности по ядерному досье и снятию санкций.

Наконец, экономическое давление со стороны Вашингтона не является причиной, чтобы поддаваться давлению со стороны американцев и садиться за стол переговоров на их условиях (Хаменеи 1397а г. х.: 2, 6; Месамед 2018а).

Иными словами, Иран готов к жесткой конфронтации и говорить с Д. Трампом не считает нужным, пока тот пытается вести переговоры на языке угроз. На этом фоне президенту Х. Рухани перед его поездкой на ГА ООН в конце сентября 2018 г. была дана четкая инструкция – избегать любых переговоров с американцами (Месамед 2018а). 4 октября 2018 г., выступая в Тегеране перед представителями силовых структур, С. А. Хаменеи также закрыл идущую в обществе дискуссию о необходимости предоставления уступок США, назвав людей, придерживающихся такой точки зрения, «предателями» (Хаменеи 1397б г. х.: 1, 6). Тем самым он автоматически поставил их вне закона. Одновременно Верховный лидер выразил уверенность в том, что его страна будет способна выстоять в новом витке экономической борьбы (Там же: 1, 6).

Социально-экономические тенденции в Иране к ноябрю 2018 г.

На первый взгляд, поводов для подобного оптимизма у Ирана не слишком много. Уже накануне введения нового пакета американских санкций в ноябре 2018 г. социально-экономическая ситуация в стране ухудшалась с каждым днем. Так, падение курса иранского риала к доллару США с 40 тыс. иранских риалов за доллар США в марте 2018 г. до 140 тыс. иранских риалов к концу октября

2018 г. вызвало рост цен, снижение реальных доходов населения, а также подхлестнуло темпы роста инфляции². Последние, по самым пессимистичным прогнозам, могут достигнуть рекордных 80 % в годовом исчислении (Абдаллахи и др. 1397 г. х.: 4–6). Иранские экономисты заявили о существенном увеличении доли населения, живущего за абсолютной чертой бедности, которая, по некоторым расчетам, достигла 34 % (Там же). По мере закрытия и банкротства части производств неизбежно будет расти и уровень безработицы. На этом фоне в октябре 2018 г. по стране прокатилась новая волна протестов и забастовок, связанная с тяжелым экономическим положением. В них приняли участие учителя, студенты, пенсионеры и представители разных профессий (например, продолжительную забастовку в октябре 2018 г. объявили водители грузовиков). На улицы – хоть и не массово – выходили люди, ранее представлявшие опору режима (Месамед 2018б). Требования их пока носят экономический характер, но среди молодежи (например, у футбольных фанатов) становится популярным фрондировать лозунгами о необходимости перемен. Явно радикализуется и персоязычный сегмент Интернета, что дополнительно подогревает общие негативные настроения. Пока что где-то силовыми методами, где-то путем переговоров и увещаний руководству страны удастся сдерживать социальные волнения. На этом фоне настораживающе звучат предположения рыночных аналитиков, что после полного восстановления санкций объем экспорта иранской нефти может сократиться на 1–1,2 млн баррелей в сутки, достигнув рекордно низких 0,8–1 млн баррелей в сутки. За ним упадут и доходы госказны, сокращая возможности руководства государства при необходимости покупать верность населения (Абдаллахи и др. 1397 г. х.: 4–6).

Однако при более тщательном рассмотрении ситуация оказывается не столь уж трагична. Падение иранского риала все же удалось удержать от критического пика. До осени 2018 г. его курс был завышен как минимум в три раза, что не шло на пользу экономике страны. Для того чтобы избежать проблем в будущем, его нужно было обвалить. Действительно, непрекращающееся падение национальной валюты в последние месяцы вызвало шок среди простых иранцев и существенно ухудшило социально-экономические пока-

² См., например, газету «Донья-йе эгтесад» (24–26 Мехр 1397 г. х.; 28–30 Мехр 1397 г. х.; 1 Абан 1397 г. х.).

затели. Однако в итоге падение курса риала создало удобные условия для роста доходов ориентированной на экспорт иранской нефтегазовой промышленности, которая в случае введения против ИРИ и ее нефтедобывающей отрасли санкций станет одним из основных источников пополнения бюджета страны (Абдаллахи и др. 1397 г. х.: 10–16). При этом нужно учитывать, что иранская программа диверсификации в последние годы была в целом успешной. Объем ненефтяного экспорта страны рос и практически соответствовал объемам импорта, а иногда и перекрывал их. Так, в 2016 г. страна поставила на внешние рынки ненефтяных товаров на 43 млрд долларов, а ввезла продукции на 40 млрд долларов США. По оценкам самих же иранцев, девальвация национальной валюты увеличила доходы экспортеров в риаловом исчислении на 600 %, а следовательно, возросли и доходы казны³.

В долгосрочной перспективе скачок доходов экспортеров будет «съеден» инфляцией и ростом потребительских цен. Однако по состоянию на середину ноября 2017 г. корректировки в прибыли иранского бизнеса эти факторы вносили не такие уж значительные, как предполагали пессимисты. К ноябрю 2018 г. рост потребительских цен в городах составлял 33 % в год (47,5 % для продовольственных товаров и 27,2 % для промтоваров)⁴. Инфляцию также не удалось сдерживать на апрельском уровне в 7,9 %. К октябрю она достигла показателя в 13,4 % официально и 31,4 % неофициально в годовом исчислении⁴. Вместе с тем темпы роста инфляции все же были значительно меньше 80 %, которые заявлялись некоторыми скептиками. Шокового роста стоимости потребительских товаров по модели России начала 1990-х гг. также удалось избежать. Благодаря регулированию цен, разумному распределению накопленных резервов и поддержке, оказанной государством импортерам, рост стоимости товаров шел плавно (по разным оценкам, в октябре 2018 г. он составил 7–12 % по сравнению с предыдущим месяцем). Покупательная способность домохозяйств снизилась, но оценивать ее нужно не по долларовой, а по риаловой шкале, с уче-

³ См., например, газеты «Сан'ат» (24–26 Мехр 1397 г. х.; 28–30 Мехр 1397 г. х.; 1 Абан 1397 г. х.), «Донья-йе эгтесад» (24–26 Мехр 1397 г. х.; 28–30 Мехр г. х.; 1 Абан 1397 г. х.).

⁴ См., например, газету «Донья-йе эгтесад» (24–26 Мехр 1397 г. х.; 28–30 Мехр 1397 г. х.; 1 Абан 1397 г. х.).

том еще и того, что рост цен не галопировал вслед за долларом. В итоге сокращение реальной покупательной способности населения идет значительно более медленными темпами. Свои плоды приносит и реализуемая в Иране программа по обеспечению частичной экономической самостоятельности. Сегодня иранская экономика вполне способна самостоятельно удовлетворить минимальные базовые потребности населения в продовольствии, энергоносителях, одежде и, частично, лекарствах (Абдаллахи и др. 1397 г. х.: 10–16). От колебаний доллара цены в этом сегменте зависимы в меньшей степени (хотя зависимость и существует). Эти же сектора экономики, по расчетам иранцев, окажутся наименее подвержены влиянию санкций (Там же).

С другой стороны, следует помнить, что жить под санкциями ИРИ действительно не привыкать и свои рецепты борьбы с их негативным влиянием здесь выработали. Развиваться иранской экономике санкции, конечно, не дадут, но и не разрушат ее полностью, как рассчитывают в Вашингтоне. События 2010–2015 гг. показали, что при необходимости Тегеран может «жить по средствам», опираться на различные источники доходов и сокращать свою зависимость от нефти. В частности, помимо реализации программы по диверсификации экономики, в стране продолжают развивать систему налогообложения, повышать ее эффективность (так, значительно активнее, чем ранее в розничной торговле, в ИРИ используют кассовые аппараты). Указанный процесс идет медленно, встречая сопротивление тех, кто привык жить в условиях неработающих налогов. Однако роль налогов в наполнении бюджета растет, что уже повышает устойчивость экономики перед мерами внешнего экономического давления.

Надеются в Тегеране и на то, что полностью отрезать Иран от мирового рынка нефти США все же не смогут, а, следовательно, оставят ему этот источник доходов. По официальным иранским оценкам, которые перекликаются с оценками западных консалтинговых агентств, реально Вашингтон будет в состоянии снизить объемы экспорта иранской нефти на 0,5–1 млн баррелей в сутки. При этом если сокращение на 1 млн баррелей сулит иранской экономике рецессию в –2 %, то при снижении в 0,5 млн баррелей будет возможно даже сохранить ее рост в 0,5 %. Подспудно на руку Ирану играют и высокие цены на нефть, которые позволят хотя бы

частично компенсировать падение объемов ее экспорта (Абдаллахи и др. 1397 г. х.: 10–16).

Наконец, существенный расчет делается на то, что Ирану удастся сыграть на существующих между США и ЕС разногласиях по будущему ядерного соглашения (СВПД). Для европейцев выход американцев из договора воспринимается однозначно как стратегическая ошибка. Европа с самого начала кризиса обозначила готовность помочь Тегерану компенсировать негативный эффект от американских санкций⁵. В своих возможностях Брюссель, конечно, ограничен, но все же не беспомощен. Крупный европейский бизнес, опасаящийся санкций США, в Иран он вернуть не сможет, но если его попытки сохранить контакты с ИРИ на уровне малых и средних компаний увенчаются успехом, то это хоть в какой-то степени будет способно улучшить положение Тегерана. Стремясь дополнительно мотивировать ЕС на активные шаги по защите Ирана, руководство ИРИ как мантру повторяет свое решение не выходить из СВПД, пока участие в этом договоре приносит хоть какую-то пользу (то есть пока существует помощь от Европы в противостоянии с США)⁵.

Запас прочности иранской экономической системы

С учетом всех вышеуказанных факторов иранская элита, судя по всему, исходит из того, что экономическая ситуация в стране тяжелая, но не трагическая, в то время как сама экономика сохранила свой запас прочности. В среднесрочной перспективе санкции едва ли это изменят. В Тегеране также понимают, что развиваться в текущих условиях и тем более после введения нового пакета мер экономического давления страна не сможет, но будет выживать, хотя и балансируя на грани. Впрочем, перед исламским строем и стоит задача именно выжить, на большее его руководители не рассчитывают. Пока трудно сказать, ориентируется ли иранское руководство на модель Кубы или Северной Кореи, где страны выживают в условиях санкций десятилетиями, или же Тегеран рассчитывает, что срок, который ИРИ нужно будет просуществовать «на грани жизни», все же ограничен, после чего последует улучшение ситуации. Полагаем, что речь идет все же о втором сценарии: иранское руководство надеется, что через несколько лет ситуация вновь

⁵ Интервью с экспертами по внешней политике Ирана. Тегеранский университет; ИРАС, октябрь 2018 г.

изменится в более благоприятную для страны сторону, после чего режим санкций удастся пересмотреть. По крайней мере, при кулуарном общении в речах иранских экспертов и политиков время от времени появляется идея о том, что ИРИ нужно лишь пережить Д. Трампа, а уж его преемник будет совершенно иным человеком, более близким по взглядам Б. Обаме⁶. При нем удастся вновь вернуться за стол переговоров и вдохнуть жизнь в СВПД. Вторят этой идее и некоторые европейские политики.

При этом у плана иранской политической элиты существуют две слабые точки, которые могут привести к неприятным для нее последствиям. С одной стороны, иранский обыватель может оказаться не готов принять идею о необходимости смириться – пусть и временно – с тяжелой социально-экономической ситуацией. Настроения среди населения сейчас чрезвычайно пессимистичны. При этом иранцы сами себя еще и заводят, распространяя противоречивые и устрашающие слухи о грядущих потрясениях. Между тем паника в Иране, если таковая возникнет, способна вызвать катастрофические последствия. Вследствие нее курс иранского риала в начале осени временно опустился ниже 200 тыс. за 1 доллар США. Из-за паники же растет недовольство экономической политикой режима, которое может привести к возникновению уже массовых политических протестов. Успокоить народ, внушить ему надежду на будущее у правителей Ирана пока не получается.

С другой стороны, уверенность иранского руководства в своей способности противостоять США основывается на опыте предшествующих лет и идее, что грядущий виток санкционного противостояния с американцами будет мало чем отличаться от периода 2010–2015 гг. Сегодня Иран готовится к прошлой санкционной войне, а не к войне будущей. Его руководством не предложено никаких новых мер по обходу внешнего экономического давления или противодействию ему. Вместо этого планируется применить старые легальные и не совсем легальные схемы обхода санкций. Однако американцы действуют по-другому. В отличие от руководства ИРИ, они провели работу над ошибками, и их действия могут оказаться куда искуснее. Так, исходя из того, что экспорт иранской нефти может и не снизиться до нуля, они в большей степени, чем

⁶ Интервью с экспертами по внешней политике Ирана. Тегеранский университет; ИРАС, октябрь 2018 г.

ранее, намерены сократить возможности Тегерана получать и использовать доход от этих поставок. Одновременно проводится работа с теми странами, которые ранее помогали ИРИ обходить санкции. Считается, что ОАЭ, Ирак и даже Турция могут в этот раз оказаться менее склонными к сотрудничеству с Тегераном. Наконец, под прицел санкций США в перспективе имеют возможность попасть и отрасли, обеспечивающие ненефтяной экспорт ИРИ, основу которого составляют товары нефтехимического производства.

Иранское присутствие в Сирии в условиях санкционного давления

Как уже говорилось выше, жить под санкциями ИРИ не привыкать. Развиваться иранской экономике они, конечно, не дадут, но и не разрушат ее полностью, как рассчитывают в Вашингтоне. События 2010–2015 гг. показали, что при необходимости Тегеран может «жить по средствам», опираться на различные источники доходов и сокращать свою зависимость от нефти. Хотя, повторимся, жизнь под санкциями легкой не будет.

На этом фоне финансирование региональных усилий Тегерана останется, скорее всего, на прежнем уровне. Сыграют свою роль два фактора. Во-первых, эта политика, по некоторым оценкам, не столь и затратна для ИРИ. Деньги играют здесь важную роль, но там, где могут, иранцы стараются избегать лишних расходов. Во-вторых, сохранение регионального присутствия важно для Тегерана с идеологической точки зрения. Иранское руководство в течение последних лет активно навязывало своему населению идею о том, что их страна является региональным лидером и эта роль ей предназначена, а в Сирии, Ираке и Ливане проходит передний край обороны национальных интересов страны. Одномоментно отказаться от этой доктрины Тегеран не сможет, поскольку отказ будет расцениваться обычными иранцами как признак слабости и отступления (хотя часть населения уже сама задает вопрос о том, а нужна ли стране столь активная политика в регионе). Немаловажно и то, что Россия не собирается разрывать свое сотрудничество с ИРИ, хоть Тегеран и является не самым простым и желанным партнером для Кремля.

Несмотря на то что американская стратегия на Ближнем Востоке по-прежнему лишена системности и во многом ситуативна, в ней

выделяются некоторые доминанты, вокруг которых выстраивается политика Соединенных Штатов в регионе. Одной из таких доминант, безусловно, являются приоритет американо-израильских отношений и, как следствие, учет интересов национальной безопасности Израиля. Это во многом предопределило и весьма жесткую позицию Штатов по сирийскому кризису, которая фактически свелась к ликвидации иранского присутствия в арабской республике.

Это стало и лейтмотивом прошедших в августе переговоров в Женеве между советником президента США по национальной безопасности Дж. Болтоном и секретарем российского Совета Безопасности Н. Патрушевым, а впоследствии и переговоров Дж. Болтона с российским президентом В. В. Путиным в Москве. В обоих случаях американская сторона давала понять, что намерена вести «жесткий торг» по Сирии, где ожидает от Москвы «исключения участия Ирана, иранских сил, иранских военизированных формирований, иранских ставленников в наступательных операциях». При этом Дж. Болтон ссылаясь на слова В. В. Путина, который в личной беседе с ним отмечал несовпадение интересов Москвы и Тегерана в Сирии.

Однако Сирии не суждено было стать точкой соприкосновения в российско-американских переговорах. Российская делегация на требования американцев отреагировала отрицательно, посчитав их выполнение невозможным. Так, Н. Патрушев после встречи в Женеве отмечал, что позиция Соединенных Штатов выглядит так, будто все должно быть по-американски и сводится к широкому списку того, что «Россия должна» (Братерский 2018).

Однако причины отказа Москвы от совместного американо-израильского предложения по Ирану кроются не только в том, что Вашингтон продолжает вести переговоры с позиции силы, в то время как российское руководство ожидает диалога на равных.

Как отметил по результатам встречи в Женеве российский сенатор А. Пушков, «администрация США добивается от России такого сдвига в позициях, который означал бы полный разворот по Сирии» (Известия 2018). Только в этом торге, отказываясь от своего пусть даже ситуативного союзника в Сирии, Москва не может добиться от Вашингтона ясности относительно того, что она получит взамен.

Американские заверения в том, что смягчение российской позиции по Ирану приведет к смягчению американских санкций, зву-

чат для Москвы неубедительно. Во-первых, потому что в Кремле прекрасно понимают, что отмена санкций – прерогатива Конгресса, но не американского президента. А это значит, что договоренностей с Дональдом Трампом по Сирии явно недостаточно для того, чтобы продвинуться в вопросе снятия санкций.

Во-вторых, российское руководство не готово идти на открытый конфликт с Ираном. Помимо сирийского кризиса у Москвы и Тегерана на сегодняшний день сохраняется весьма обширная повестка дня, по которой стороны ведут диалог. И заинтересованность в нем сохраняется не только с иранской, но и с российской стороны (например, в области энергетики, по Афганистану и т. д.).

Наконец, американских обещаний выйти на новый уровень отношений для Москвы явно недостаточно ввиду высокого уровня недоверия к США. Российское руководство уже неоднократно делало Иран разменной монетой в переговорах с Соединенными Штатами (Kozhanov 2018). В 1995 г. после подписания меморандума «Гор – Черномырдин» Москва обязалась досрочно завершить все обязательства по поставкам военной техники Ирану, что обернулось для нее убытками в 4 млрд долларов.

Во время президентства Дмитрия Медведева и Барака Обамы в 2009 г. стороны договорились о «перезагрузке» между Россией и Соединенными Штатами, которая также ударила по российско-иранским отношениям. Уже в 2010 г. Россия ввела запрет на поставку Ирану С-300 в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1929, ограничивающей поставки исламской республике современных вооружений в связи с развитием иранской ядерной программы.

Однако в обоих случаях реальной «перезагрузки» и потепления в отношениях Москвы и Вашингтона так и не наступало. Напротив, Россия не только несла экономические потери от прерванных по ее инициативе контрактов, но и способствовала формированию у иранцев образа крайне ненадежного партнера. Более того, весьма противоречивый бэкграунд российско-иранских отношений способствовал формированию в сознании иранцев фобий в отношении возможной нормализации российско-американских отношений.

Но есть и более объективные причины, которые не позволяют Москве согласиться с американским требованием по Сирии. Российское руководство вряд ли лукавит, когда говорит о том, что не

может заставить иранцев уйти из Сирии. Несмотря на то, что Россия остается ключевым актором в сирийском конфликте, ее влияние на «союзников» все же не безгранично.

По всей видимости, выдвигая подобное требование, Вашингтон и Тель-Авив ссылаются на опыт отвода проиранских сил за пределы 50-мильной зоны вдоль границы Сирии и Голанских высот. Однако «успешный» опыт деиранизации на юге Сирии невозможно экстраполировать на всю территорию страны. И здесь нужно иметь в виду два обстоятельства.

Первое. Сделка по югу Сирии – это не столько результат давления на Тегеран со стороны Москвы, сколько следствие убеждения иранского руководства в том, что вывод проиранских сил из приграничной зоны в их же интересах. Иными словами, Кремлю удалось донести до иранского истеблишмента мысль о том, что добровольный отвод их *militias* позволит минимизировать издержки от столкновений с Израилем, но в то же время сохранит влияние сирийского правительства на юге Сирии. При этом вряд ли возможно найти убедительные аргументы в пользу того, что полный вывод проиранских сил из Сирии только укрепит влияние Тегерана, да и самого баасистского режима в стране.

Второе. В Москве прекрасно понимают, что сама возможность размежевания сирийской армии и проиранских вооруженных сил представляется в нынешних условиях малореализуемой. За почти восемь лет гражданской войны в Сирии иранцы настолько сильно интегрировались в структуру сирийских вооруженных сил, что их ликвидация повлечет за собой демонтаж всей системы.

Британский исследователь иракского происхождения Айман ал-Тамими на примере местных сил обороны (МСО) показывает, что сам «проект КСИР» в Сирии изначально ставил целью взятие системы вооруженных сил под свой контроль не посредством доминирования, а путем интеграции в нее, с тем чтобы впоследствии стать ее неотделимой частью. «МСО могут рассматриваться как совместный проект сирийской армии и КСИР с участием в командных органах офицеров с обеих сторон» (Al-Tamimi 2018). Кроме того, не следует забывать, что от иранского присутствия в Сирии напрямую зависят боеспособность сирийской армии и устойчивость сирийского режима.

Перспективы ухода Ирана из Сирии выглядят еще более иллюзорными в контексте визита иранского министра обороны Амира Хатами в Дамаск в августе 2018 г. В ходе его переговоров с Башаром ал-Асадом было подписано соглашение о стратегическом сотрудничестве между Сирией и Ираном (Reuters 2018), что можно рассматривать не только как упрочение иранского военного присутствия в арабской республике, но и как важный шаг на пути к экономической зависимости Дамаска от Тегерана.

На этом фоне любые попытки США внести раскол между Москвой и Тегераном по Сирии и не только выглядят наивными. Впрочем, это также свидетельствует о том, что едва ли в ближайшее время Москве и Вашингтону удастся существенно продвинуться в обсуждении ближневосточной повестки. По сути, без иранского участия невозможно урегулировать ни один конфликт в регионе, будь то сирийский, йеменский или проблема курдского самоопределения (Исаев, Коротаев 2015; Исаев и др. 2018; Гринин и др. 2016). Превращение же Ирана в страну-изгоя, как к тому призывают Дональд Трамп и его союзники в регионе, будет приводить к еще более экспансионистской политике Тегерана на Ближнем Востоке. Давая понять своим ближневосточным союзникам, что Вашингтон придерживается крайне детерминистского подхода в отношении роли Ирана в регионе, Трамп априори лишает их желания и возможности идти на компромиссы с Тегераном, напротив, подталкивая к силовому решению проблем.

Библиография

- Абдаллахи М. Р., Мусавиник С. Х., Садеки Н., Кавйани З. 1397 г. х. *Таһлил-е таһавволат-е ахир-е эгтесад-е иран*. Тегран: Марказ-е па-жухешна-йе маджлес-е шоура-йе эслами.
- Братерский А. 2018. Провал переговоров: Россия и Америка запутались в бумагах. *Gazeta.Ru* 23 августа. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/08/23_a_11919919.shtml?updated.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Известия 2018. Пушков прокомментировал итоги встречи Патрушева и Болтона. *Известия* 23 августа. URL: <https://iz.ru/781158/2018-08-23/pushkov-prokommentiroval-itogi-vstrechi-patrusheva-i-boltona>.

- Исаев Л. М., Коротаяев А. В. 2015.** Йемен: неизвестная революция и международный конфликт. *Мировая экономика и международные отношения* 59(8): 71–81.
- Исаев Л. М., Коротаяев А. В., Мардасов А. Г. 2018.** Метаморфозы межсирийского переговорного процесса. *Мировая экономика и международные отношения* 62(3): 20–28.
- Месамед В. И. 2018а.** Иран: месяц до введения второго пакета санкций. Москва, *Институт Ближнего Востока* 5 октября. URL: <http://www.iimes.ru/?p=48462#more-48462>.
- Месамед В. И. 2018б.** О причинах забастовок в Иране. *Институт Ближнего Востока* 17 октября. URL: <http://www.iimes.ru/?p=48884#more-48884>.
- Хаменеи С. А. 1397а г. х.** Амрика чеһел сал маглуб-е джумхури-йе эслами-йе иран шоде-аст. *Арман-е Эмруз* 13 Абан. С. 2, 6.
- Хаменеи С. А. 1397б г. х.** Мардам таһримһа-ра шекаст мидеһанд. *Арман-е Эмруз* 14 Мехр. С. 1, 6.
- Al-Tamimi A. 2018.** The Think-tanks Bark and the IRGC Moves on. *Syria Comment* July 13. URL: <http://www.aymennjawad.org/21387/the-think-tanks-bark-and-the-irgc-moves-on>.
- Kozhanov N. 2018.** *Russian Policy Across the Middle East: Motivations and Methods*. London: Chatham House.
- Reuters 2018.** Iran and Syria Sign Deal for Military Cooperation. *Reuters* August 27. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-syria-defence-minister/iran-and-syria-sign-deal-for-military-cooperation-idUSKCN1LC0GL>.